

Одна история (с Кирой Муратовой — в XXI век)

Сергей КУДРЯВЦЕВ

В одной из своих документальных лент Жан-Люк Годар, засняв Киру Муратову на фестивале в Локарно, где она была отмечена почетной премией за творчество в целом, приветствует коллегу-режиссера словами: «Проходите, госпожа Муратова», словно приглашая ее на кинематографический Олимп и одновременно позволяя прошествовать в новый век кино. И действительно — если уж выбирать, с кем бы очень хотелось встретиться в уже наступившем столетии, то лучшей кандидатуры из ныне живущих (во всех смыслах этого слова) наших режиссеров, пожалуй, и не пожелать!

В сложной ситуации в постсоветском кинематографе нередко нет денег не только на запуск полнометражного фильма, но и на его завершение. Сейчас-то Кира Муратова уже закончила съемки новой картины «Второстепенные люди», но можно считать знаменательным фактом, что во время четырехлетнего перерыва после создания ленты «Три истории» такой выдающийся режиссер, как она, выступила еще и с короткометражкой «Письмо в Америку». Кстати, это соответствует западной кинопрактике, когда признанные мастера (допустим, тот же Годар) в промежутке между большими лентами готовы сделать картину малого формата. И даже так случается, что подобная киноновелла может оказаться намного интереснее.

Двадцатиминутная зарисовка Киры Муратовой из нынешней одесской жизни успела облететь немало фестивалей — от Венецианского до «Послания к человеку» в Санкт-Петербурге, а вот в Москве ее, к сожалению, мало кто видел.

Поначалу «Письмо в Америку» представляется как бы четвертой историей, доснятой вдогонку «Трем историям», также не без мрачного юмора свидетельствующей о подлинной фантазмагории нашей общей

жизни: не так уж важно, где это происходит — в украинской Одессе или российском Калининграде (если уж брать на заметку портючие города бывшего СССР). Признаюсь, что я не являюсь поклонником «Трех историй», в отличие, например, от других поздних лент Киры Муратовой — «Чувствительный милиционер» и «Увлеченья». А фрагмент из «Письма в Америку», прежде увиденный в телепрограмме «Кинескоп» Петра Шепотинника, тоже произвел на меня несколько отталкивающее впечатление из-за (как показалось) преувеличенно истеричной манеры игры героини, с которой главный герой никак не может получить деньги, считающиеся за сдачу ей квартиры.

Сам-то он, вынужденно покинув собственное жилище, слоняется, где придется, вероятно, по друзьям и знакомым, но и этот «квартирный бизнес» не приносит желаемого вознаграждения. Напротив, доставляет массу хлопот, прежде всего нравственных переживаний все-таки интеллигентного человека, наверно, талантливого (когда-то сочинял стихи), но, подобно многим, совсем не вписавшегося в сегодняшнюю систему, в которую и раньше явно не стремился вписаться. Это своего рода люмпен-пролетарий творческого труда, добровольный изгой и

стихийный философ-неудачник, своеобразный Диоген конца XX века на обломках прежде «несокрушимой и легендарной» советской империи.

Он — вечный диссидент и духовный бомж, и непонятно, каким образом остается в неприкосновенности чувство собственного достоинства и изначальной порядочности, несмотря на намерение порой взорваться, наорать, осыпать грубыми ругательствами и послать все и всех к такой-то матери. Но жизнь утекает прочь, как ни зачерпывай ее ладонями, и в миг рушатся эпохи, казавшиеся необозримо бесконечными, все вдруг оборачивается своей противоположностью, а издавна мыкающийся на обочине человек никак не обретет ни богатства, ни славы, да вроде и не опечален этим — немножко юродствует и скоморошествует по издревле заведенной традиции, однако никогда не покинет своей глупой и несчастной родины, потому что просто живет именно здесь, а не где-то там.

Помимо того, что «Одна история» — это великолепный пример, подтверждающий значение Его Величества Контекста, вне которого отдельные моменты и сцены могут восприниматься едва ли противоречащими задуманному, это еще и редкостный

*Экран и сцена —
2001. — янв. — февр.
(№4). — с. 4.*

образчик постижения в чрезвычайно лаконичной и лукаво преподанной форме нашего общего, единого и неделимого, весьма странно переплавленного, некоего советско-евразийско-славянско-тюркского (и прочего) менталитета.

Мы можем разбежаться по национальным квартирам или уехать далеко за пределы своей ненавистой страны-коммуналки, мы можем называть себя новыми русскими или древними иудеями — но история-то у нас все равно одна на всех, поскольку другой просто нету! Мы долго еще будем жить по привычке отложенной жизнью, sentimentalно надеясь, что дети и внуки обязательно увидят зарю коммунизма или небо в алмазах. И будем клясть, в ярости разбрызгивая слюну, тех, кто, даже не покидая отчизну, постыл обзавестись только самим собой и тут же преуспел в индивидуалистическом (совсем по-американски) порыве жить прямо сейчас, торопливо урывая от жизни все мыслимые блага.

Мы бесечно и наобум промотаем где-то на перекрестках, в подземных переходах, чужих квартирах или не выходя из дома свою свыше дарованную судьбу — и улыбаемся отнюдь не злобно: «А что, нормально живем!». И чего напрасно мучиться, выдавливая из себя слова для письма в Америку? Всего не расскажешь, а вот главное понять про свою жизнь — мало кто из здесь живущих способен на это.

Разумеется, Кира Муратова сняла кино не для них, а для нас. Только кто его увидит и оценит?! Долгий путь познания себя и мира, угадывающийся в ее как бы бесхитростной, пустяковой короткометражке, поистине «шутке гения», вряд ли найдет достаточное число желающих его уразуметь. Пророков как не было в своем отечестве, так и нет, да и когда еще будут?!